

Философия свободы

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-10-68-83

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Событие свободы в условиях современного мира

С.В. Димитрова

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

Аннотация

В статье исследуется значимость и понимание свободы в условиях современного, стремительно изменяющегося мира. Признание того, что достигнута беспрецедентная степень индивидуальной независимости, личной автономности, не исключает стремления, необходимости поиска путей обретения свободы. Представлены подходы, определяющие свободного субъекта как эффективно действующего, как отслеживающего социальные практики и оказывающего сопротивление господствующему дискурсу, как гиперпотребителя. Анализ содержания понятия «свободный субъект» позволяет выявить тенденцию, указывающую на то, что достижение независимости, автономности индивида ведет к возникновению различного рода противоречий, которые становятся основанием для возникновения новых форм зависимости. Особенность современных видов зависимости проявляется в том, что при беспрецедентной степени индивидуальной свободы возникают новые трудности в поиске собственной идентичности, не утрачивают своей актуальности проблемы личностного самообретения, индивидуального развития. Недостижимость свободы рассматривается как основание ее присутствия, поскольку стремление к свободе постоянно требует индивидуальных усилий, позволяющих актуализироваться уникальным формам бытия. Иные режимы сознательности рассматриваются в процессе исследования учений М.М. Бахтина об «участном мышлении» и К. Войтылы, подчеркивающего, что сознательность действий не имеет отношения к процессам познания, а выражается в возможности «чувствовать себя виновником действия», переживать авторство данного вида активности. Свобода как способ «воплощения бытия» выражается в делезовском понимании «смысла-события», отличающегося тем, что выступает основанием для «всего, что может случиться», начинает новые серии событий, «развивает новые правила» и при этом неизменно осуществляется в процессе личностных усилий.

Ключевые слова: свобода, субъект, событие, смысл, постмодерн, автомодерн, дискурс, сознательность действия, актуализация бытия.

Димитрова Светлана Васильевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Волгоградского государственного университета.

dimitrova@volsu.ru

<http://orcid.org/0000-0003-4962-0692>

Для цитирования: *Димитрова С.В. Событие свободы в условиях современного мира* // Философские науки. 2019. Т. 62. № 10. С. 68–83. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-10-68-83

Event of Freedom in the Contemporary World

S. V. Dimitrova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract

The article discusses the significance and comprehension of freedom in the rapidly changing contemporary world. Unprecedented degree of individual independence and personal autonomy has been achieved, but this fact does not exclude the striving and search for the ways to gain freedom. The author presents the approaches defining a free subject as an effectively acting individuality, as a personality who surveys social practices and resists the dominant discourse, as a hyper consumer. Analyzing the concept of free subject, it is possible to reveal a tendency indicating that the achievement of independence and autonomy of an individual leads to the emergence of various kinds of contradictions, which become the basis for the emergence of new forms of dependence. The feature of modern forms of dependence is that with an unprecedented degree of individual freedom, new difficulties arise in finding their own identity. The problems of personal self-discovery, individual development are still relevant. The inaccessibility of freedom is considered as the basis for its presence since the search and striving for freedom constantly requires individual efforts contributing to the revitalization of unique forms of being. Other modes of consciousness are considered in the process of researching M. Bakhtin's doctrine on "participatory consciousness" and K.J. Wojtyła's teaching, which presumes that the consciousness of actions is not related to the processes of cognition, but it is expressed in the opportunity to feel himself the cause of action, to experience the authorship of this type of activity. Freedom as a way of the implementation of the being is expressed in Gilles Deleuze's concept of the "sense-event." Thus, freedom serves as the basis for everything that may

happen, starts a new series of events, develops new rules, and, at the same time, is constantly adjusted in the process of personal efforts.

Keywords: freedom, subject, event, sense, postmodernism, automodernism, discourse, awareness of action, revitalization of being.

Svetlana V. Dimitrova – D.Sc. in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Volgograd State University.

dimitrova@volsu.ru

<http://orcid.org/0000-0003-4962-0692>

For citation: Dimitrova A.S. (2019) Event of Freedom in the Contemporary World. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 10, pp. 68–83. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-10-68-83

Введение

Уникальность изменений современного мира проявляется в беспрецедентном увеличении «скоростных режимов» социального развития, процессов создания новых типов реальностей (коммунистической, цифровой, медикалистской и т.д.) с соответствующими системами ценностей, типами порядка, видами знаний.

Исследование и попытки обозначения динамичности нынешнего мира приводят к появлению большого количества определений с приставкой «пост-». Анализ обозначений этапов социально-культурного развития позволяет фиксировать достаточно парадоксальный временной интервал, при котором человек не только жил, но уже и «пережил» его. Это период, существовавший после современности, – постмодерн. На смену постмодерну идут новые способы описания реальности – «постпостмодерн», «автомодерн» [Samuels 2007], «гиперсовременность» [Липовецки 2001].

В философии постмодерна были созданы предпосылки «...новой постановки проблемы свободы и ответственности» [Тулчинский 2002, 33]. Актуальным становится вопрос о том, сохраняет ли свобода свой основополагающий статус в условиях гиперизменчивой реальности. Гибкость, текучесть, рискогенность современного мира становятся условием для формирования новых подходов к определению свободы [Бауман 2008; Гидденс 2004]. Рассмотрение путей обретения и форм выражения свободы предполагает исследование подходов, позволяющих представить изменения форм активности субъекта свободы, рассмотреть различные «режимы сознательности» и способы актуализации, «выявления бытия».

Поиск путей обретения свободы перестает быть связан с установлением порядка, систем норм и ценностей, которые выступают как средства для достижения цели. Эффективность в установлении различного рода режимов и способов достижения свобод стала основанием для возникновения самостоятельного, «отвлеченно-теоретического самозаконного мира» [Бахтин 1986]. Успешно действующему индивиду противостоит автономный, самопроизвольно развивающийся, совершенно чуждый «живой единственной историчности» [Бахтин 1986] мир.

Субъект свободы:

от эффективного деятеля к гиперпотребителю

Возможность формулировать цели и создавать эффективные средства для их достижения, высокая результативность действий привели к трансформации субъекта в агента действия. Продуктивность последнего заключается в возможности «отслеживать социальные практики» и «воспроизводить работу системы» [Гидденс 2003; Бурдье 1993]. Очевидно, что эффективная деятельность, направленная на достижение независимости, не только не позволяет обрести свободу, но и выступает условием для возникновения новых форм зависимости. Вопрос о способах достижения свободы уступает место размышлениям о том, при каких условиях возможно обретение, проявление свободы. Соответственно, значимыми становятся размышления о сущности субъекта.

Прежде всего, необходимо согласиться с тем, что процессы становления, видоизменения субъекта имеют перманентный характер, а многообразие различных теоретических концептов проявляется в границах провозглашения «смерти и возрождения субъекта».

В концепции М. Фуко, рассматривающего субъект как следствие двух видов «производств» – внешних контролирующих сил и различных практик «заботы о себе», утверждается, что его (субъекта) становление непрерывно [Фуко 2007]. Принципиальным в учении французского мыслителя является то, что как воздействие контролирующих сил, так и различные виды «заботы о себе» [Фуко 2007] возможны на «основании некоторого знания, которое можно представить как технологию. Это то знание, которое обеспечивает индивиду власть – власть над собой, оборотной стороной которой является власть над другими» [Дьяков 2008, 45].

Следует указать, что субъект не может быть выразителем (носителем) свободы, поскольку формируется исключительно «властным

дискурсом». Возможно, свобода будет проявляться в процессе сопротивления, преодоления влияния сил, стремящихся сформировать из индивида субъекта? Парадоксальность процессов формирования субъекта, согласно концепции М. Фуко, заключается в том, что сопротивление индивида существующему дискурсу власти одновременно выступает условием для субъективного становления и силой, разрушающей данный дискурс власти. Таким образом, трансформация субъекта проявляется в изменении способов сопротивления, которые зависят от существующего властного дискурса и в формировании нового властного дискурса.

Особое внимание в учении Фуко уделяется механизмам сопротивления «картезианскому субъекту». Позиционирование субъекта как активного, сознательного деятеля является одним из конструкторов субъектов власти, сопротивляясь которому человек стремится противопоставить себя существующим нормам, стратегиям поведения. Следует отметить, что преодоление господства мыслящего субъекта проявляется в выдвижении на первый план телесности, иррациональности, «безумности» действий. Однако всеобщность контроля, обезличенность действий выступают достаточным основанием для констатации «смерти субъекта».

Переход от провозглашения смерти субъекта к его возрождению обусловлен возникновением такой формы сопротивления, при которой становится возможным преодолеть зависимость от обезличенных сил. Способность дистанцироваться, не участвовать, не быть эффективным деятелем отождествляется с возможностью достичь свободы. В современных условиях идет поиск новых форм идентичности в условиях трансформирующейся, «текучей» реальности, и решение этой задачи становится возможным в утверждении практик, при которых человек способен преодолеть активную жизненную позицию, преодолеть логику целерационального действия.

Между тем высокая скорость изменений, происходящих в обществе, привела к возникновению социального порядка, при котором происходит разрушение «дисциплинарной социализации». И важнейшим ориентиром для установления норм и форм порядка становится индивидуальная свобода. «Жить свободно, не подвергаясь принуждениям, от начала и до конца выбирать свой способ существования – никакой другой факт общественной и культурной жизни не является более значительным событием в глазах современников», – отмечает Ж. Липовецки [Липовецки 2001, 21].

Гибкость в устройстве общества проявляется в том, что становление и деятельность социальных институтов происходит с учетом разнообразия мотиваций и желаний отдельного индивида. Однако анализ Ж. Липовецки новых механизмов социализации, заключающейся в предоставлении индивиду большого количества возможностей, вариантов выбора действий, ценностей, товаров, видов развлечений, способов коммуникаций и т.д., позволяет указать на возникновение ситуаций, при которых люди испытывают апатию, опустошение, безразличие. Процессы гибкой социализации, позволяющие преодолеть дисциплинарный порядок и установить «ценность индивидуального развития», Ж. Липовецки называет персонализацией. И именно персонализация выступает условием массового опустошения и тотального равнодушия. Равнодушие и апатия устанавливают новое сознание, способствующее обретению индивидом собственного «Я» в обществе, где господствует нестабильность, проявляющаяся в быстром становлении и распадении различных состояний.

Важно отметить, что, согласно взглядам Ж. Липовецки, наступает следующий за постмодернизмом этап культуры – гиперсовременность, отличающаяся высокой степенью достижения индивидуальной свободы. Реализация индивидуальной свободы является следствием «гиперпотребления», при котором основанием выбора индивида выступает не система установленных норм и ценностей, а процесс «обольщения», позволяющий сочетать стремление к автономности и «программируемость» действий человека. «Обольщение», при котором общество от «всеядности» переходит к большей избирательности, выступает условием для появления гиперпотребления, полностью разрушающего дисциплинарные порядки. «Обольщение – это логика, которая пробивает себе дорогу, которая больше ничего не щадит и при этом осуществляет постепенную, толерантную социализацию, цель которой – персонализировать и психологизировать человека» [Липовецки 2001, 40].

Отличительной чертой субъекта, реализующего свободу, становится «повышенное внимание к себе и своему телу». Свободная личность стремится реализовать свои желания «здесь и сейчас». Появление такого человека знаменует возникновение «гедонистического и либерального капитализма», освобождающего индивидуализм от «последних моральных ценностей» и утверждающего единственную власть меняющихся человеческих желаний.

Субъект свободы – это Нарцисс, который «упорно трудится над освобождением собственного “Я”, над великой судьбой собственной самобытности и независимости» [Липовецки 2001, 85]. А процессы освобождения, при которых «наше “Я” погружается в бесконечную работу по освобождению, наблюдению и объяснению своей личности» [Липовецки 2001, 86], Ж. Липовецки называет нарциссизмом.

Американский философ, социолог Роберт Самуэль, определяющий современное состояние культуры как автомодерн, размышляет о новых характеристиках субъекта свободы. «Новый субъект формируется потому, что человек передает большую часть своих функции технике. А, следовательно, нужно ответить на вопрос, как в рамках этих процессов может упрочиться автономность человека, т.е. его индивидуальная свобода» [Павлов 2018, 104].

Р. Самуэль указывает, что современный субъект формируется под воздействием противоположных тенденций: беспрецедентные условия для достижения автономной свободы индивида, с одной стороны, и размытость границ частного и индивидуального, необходимость присутствия в виртуальном пространстве не только для определения собственной идентичности, но и для доказательства присутствия «Я» в современном обществе – с другой.

И еще одна противоречивая тенденция, которая, на наш взгляд, обозначена и в учении Ж. Липовецки, заключается в том, что возможность достижения индивидуальной свободы, последовательное расширение и сохранение личной автономии становятся основанием для того, что человек постепенно утрачивает возможность для развития, повсюду натываясь на «самого себя». Последовательная реализация автономной свободы, широкое поле вариантов выбора, абсолютное владение (господство) над тем, чем индивид обладает, формируют нарциссическую личность. Основной потребностью, направлением становления личности, достигшей беспрецедентной степени автономности, становится поиск подтверждения собственным мыслям, увлечениям и т.д.

Тенденция возрождения субъекта, безусловно, связана с разработкой подходов к новым формам активности, содержанию и направленности действий людей. А. Турен определяет приоритеты следующим образом: «...главное заключается в необходимости заново определить субъекта, ориентируясь при этом не столько на его способность господствовать над миром и трансформировать его, сколько учитывая дистанцию, которую он занимает по от-

ношению к самой этой способности и к приводящим ее в действие аппаратам и дискурсам. Субъект в таком случае предстает по ту сторону своих действий и в оппозиции к ним, как молчание, как чуждость в отношении мира, называемого социальным, и одновременно как желание встречи с другим, признанным в качестве субъекта» [Турен 1998, 8].

Между тем понятие субъекта в учении А. Турена синонимично действующему человеку. Возрождение субъекта предполагает возможность человека обрести независимость от «форм и норм воспроизводства поведения и потребления» [Турен 1998, 23]. Человек стремится к обретению возможности организовывать формы своей деятельности, создавать культурные модели. Возрождение субъекта связано с такими видами активности, как осознание самого себя, возможность оценки собственного опыта, а не стремление к обладанию и эффективности.

Важно отметить, что идеи необходимости возникновения нового субъекта не являются неким утопическим проектом, поскольку развитие технизированного, прагматично ориентированного общества ставит перед человеком проблемы, при решении которых необходимо проявить высокую сознательность и моральность. Совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечает А. Турен, что современные люди могут не участвовать в вопросах расширения прав профсоюзов, не доверять и дистанцироваться от обсуждения некоторых политических вопросов, однако мнение относительно вопросов эвтаназии, перспектив развития генетических исследований и т.д. не могут не затронуть интересы каждого человека.

Особенность современной ситуации заключается в том, что возникают и становятся жизненно важными проблемы, требующие индивидуального осмысления и эмоциональной включенности каждого человека. «При таких обстоятельствах говорить о возвращении или, наоборот, об исчезновении человека действующего, значит по-разному отвечать на эту новую ситуацию. Ибо действующее лицо на самом деле вернулось, но еще не имеет политического и идеологического выражения», – отмечает А. Турен [Турен 1998, 22].

Сознательность действия как способ преодоления целерациональности

Необходимость возрождения человека активного тесно связана с изменением «режима сознательности» действия. Высокий уро-

вень технологичности действий, беспрецедентный рост количества информации непрерывно расширяют преобразовательные возможности человека, но не становятся достаточным основанием, позволяющим индивиду прервать череду целей, «навязываемых» ему внешними безличными силами.

Актуальным и созвучным современному поиску сущностных характеристик человека действующего является положение К. Войтылы о том, что владение практическими навыками и большим количеством знаний не указывает на человека как на «причинность действия». Сознательность действия проявляется в возможности каждого субъекта действия быть данным самому себе как конкретное «Я», в своем индивидуальном бытии. «Сознание – не только аспект, но также существенно важный масштаб или реальный момент того бытия, которым являюсь “я”, коль скоро оно конституирует его конкретную субъективность в значении переживания» [Иоанн Павел II 2003, 112]. Сознание не поглощает и не заслоняет бытие личности, а предоставляет ему возможность раскрыться. Следовательно, сознательность действия заключается в возможности проявления свойственного только человеческой личности динамизма.

Согласно учению К. Войтылы, реализуется такая сознательность в поступках, отличительными чертами которой являются «добровольность» и одинаковая значимость как достигнутых результатов, так и потенциальных возможностей человека. Неизменным содержанием поступка является осознание того, что данная конкретная личность становится «виновником» действия. Считаю важным еще раз отметить, что в условиях динамично развивающегося мира необходимость в обретении возможности переживать авторство собственных действий и принимать ответственность за их результаты становится жизненно важной.

Познание законов универсума и возможность человека достигать сформулированных на основе этого знания целей расцениваются как форма зависимости, закрепощения, поскольку мир хаотичен, бессистемен. А любая форма систематизации фактов в естествознании или при рассмотрении социального развития является новой формой установления порядка. Концепция «власти-знания» М. Фуко есть крайняя степень реализации подходов к определению свободы как «познанной необходимости». Любая форма знания есть установление определенного порядка, заданной системы норм и форм контроля [Фуко 1999]. Таким образом, знания позволяют установиться власти во множественных

отношениях силы, которые «пронизывают все целое социального тела» [Фуко 1996, 191–192].

Становление теоретического сознания, стремящегося утвердить индивидуальную, личностную свободу, изначально исключило человека из своего мира. «Меня, действительно мыслящего и ответственного за акт моего мышления, нет в теоретически значимом суждении», – отмечает М. Бахтин [Бахтин 1986, 84]. Процесс активного переживания, «участного» отношения к миру позволяет пребывать человеку в «единственном бытии» и преодолеть последствия «рокового теоретизирования». Невозможность пребывать в состоянии «участного мышления» – это забвение собственной личности, отказ от свершения новой формы бытия.

Любые проявления «индивидуальной жизненности» могут быть выражены в различной степени соотнесенности с системой отвлеченных ценностей. При этом процессы укрепления могущества мира, противостоящего единичной жизненности человека, совершенствуются благодаря целерациональной активности людей.

Трагедия свободы в условиях современного мира заключается, на наш взгляд, в том, что высоко технологичные действия, масштабы преобразования, все возрастающая степень ответственности личности направлены на укрепление и развитие способа существования, при котором свобода и власть становятся системными свойствами.

Ответственность людей и отдельной личности неизменно возрастает – в поле человеческих решений находится поиск путей преодоления глобальных проблем, связанных с возможностью дальнейшего существования мира. Значимость стоящих перед человеком задач заставляет индивида строго следовать установленным нормам и правилам. «Человеческое измерение бытия (свобода) появляется после приписывания, вменения нам ответственности. Только после такого вменения личность становится чувствилищем добытийного начала бытия, каковым является свобода» [Тульчинский 2011].

Свобода как условие актуализации бытия

Следует отметить, что преодоление власти норм и различных типов порядка становится значимым в условиях становления и изменчивости новой картины мира. Универсум перестает рассматриваться как проявление трансцендентных сущностей, обуславливающих порядок и направление развития. Мир лишается оснований, осуществляется переход от трансцендентного

к имманентному, преодолевается «вертикаль» существования подлинного, олицетворяющего тождество, покой и совершенство, и неподлинного бытия. Изменчивость, непрерывность становления, отсутствие и невозможность достижения совершенства, рассматриваемые как характеристики отсутствия подлинности, как «кажимость» становятся важнейшими свойствами бытия. Стремление к трансцендентной сущности уступает место различию – характеристике бытия, ведущей к становлению и бесконечным изменениям конкретных проявлений сущего.

Свобода выступает условием воплощения сущего, актом творения, при котором утверждается уникальность, индивидуальность в существующем. Свобода – это необходимое условие возникновение, творения, становления нового хода вещей. Однако различие позиций заключается в том, что основанием для актов творения, возникновения новых форм бытия выступало служение трансцендентным ценностям, а в условиях имманентного мира свобода не репрезентирует трансцендентные сущности, а проявляется в бесконечной повторяемости (вечной обращенности к проблеме свободы) и в новых формах означивания повторяемого.

Символическая сущность повторения выступает актом творения мира, делая возможным существование отсутствующих вещей и состояний. Свобода фундирована, основана на бесконечном стремлении людей к ее обретению. А бесконечность процессов обозначения (означивания) свободы делают ее существование вечным.

В условиях многочисленных конфигураций существования, обладающих временностью, рассмотрение свободы связано с формированием новой онтологии. Так, в учении Ж. Делеза бытие актуализируется в событии и существует в «модусе индивидуации». Онтология события разворачивается благодаря индивидуальным усилиям человека, направленным на установление смысла. Смысл в учении Ж. Делеза – это «...бестелесная, сложная и нередуцируемая ни к чему сущность на поверхности вещей; чистое событие, присущее предложению и обитающее в нем» [Делез 1998а, 38]. Несмотря на то, что смысл может быть выражен только в предложении и указывает на положение вещей, смысл не пребывает ни в словах, ни в вещах. Смысл находится на границе слов и вещей, обладая «тем минимумом бытия, который побуждает упросто» [Делез 1998а, 42].

Отметим, что важнейшей характеристикой смысла является его продуктивная сила, способность вести к совершенно определенному состоянию сознания, начинать новые ряды детерминации и целеполагания. При этом проявление смысла исключает большое количество вариантов выбора, бесконечное количество стратегий достижения многочисленных целей, смысл заставляет действовать в строго заданном направлении. Поэтому, давая характеристику способу бытования смысла, Ж. Делез отмечает: «...мы не можем сказать, что смысл существует, но что он, скорее, упорствует или обитает» [Делез 1998а, 41].

Значимым для определения сущности свободы в делезовской концепции смысла-события является указание на новую цепочку (серию) состояний сознания, способов обозначения, положения. Обладая продуктивной силой, смысл-событие побуждает к разворачиванию новых серий, не сливаясь при этом ни с физическим положением вещей, ни с «репрезентациями» мира в сознании, «...для Делеза смысл оказывается не тем, что существует как вещь или значение, а тем, что является некой силой, энергией воздействия» [Конев 2016, 41]. Событие как форма существования смысла совершается в процессе индивидуальных усилий, ведущих к уникальным (для каждого человека) проявлениям бытия-смысла.

Условием существования смыслов, трансцендентальным основанием событий, согласно философии Делеза, является мир сингулярностей. Сингулярности, образующие трансцендентальное поле смыслов, существуют вне сознания, вне субъекта действия, вместе с тем их нельзя отнести к бытию сущностей. Мир сингулярностей – это игра различий, неиндивидуализированное существование которых заставляет (нуждается) в усилиях человека, направленных на проявление смысла. «Сингулярности – это подлинные трансцендентальные события... Не будучи ни индивидуальными, ни личными, сингулярности заведуют генезисом и индивидуальностей, и личностей: они распределяются в “потенциальном”, которое не имеет вида ни Эго, ни Я, но которое производит их, самоактуализируясь и самоосуществляясь, хотя фигуры этого самоосуществления совсем не похожи на реализующееся потенциальное» [Делез 1998а, 144].

Способ установления смысла, свершение события есть актуализация или оглашение однозначности бытия. Оглашение бытия возможно посредством глаголов, позволяющих удерживать посто-

янное становление и возможность одновременного существования как в будущем, так и в прошлом, пребывать в специфическом времени, непрерывно разделяющем настоящее на прошлое и будущее. Представить бытие можно только в процессе «творения концептов». «Концепт – это событие, а не сущность и не вещь. Он есть некое чистое Событие, некая этость, некая целостность...» [Делез, Гваттари 1998, 32]. Таким образом, однозначность, «безразличие» бытия выступает условием различия, которое может существовать как таковое без установления иерархий, деления на подлинность и «кажимость». «Это бытие – равенство всего неравного, сумевшего полностью реализовать свое неравенство» [Делез 1998б, 61]. Бытие везде говорит об одном, следовательно, онтологически ценными, равнозначно оглашающими бытие являются все свершившиеся события. Свобода как условие актуализации бытия выражается в предельной однозначности и вместе с тем нуждается для своего существования в индивидуализированных формах.

Онтология, «логика смысла» Ж. Делеза («...учит сопрягать сингулярности, устанавливать последовательности/серии и организовывать их коммуникацию, что позволяет увидеть индивидуации этого часа дня, этого региона, климата, реки, ветра или этого события, а не сущности вещей, личностей или субъектов» [Конев 2017]).

Свобода проявляется не в степени достижимости трансцендентных ценностей и целей, не в успешном следовании общему, закономерному, а в результате индивидуальных усилий, возможности свершиться, быть самим собой. Важно отметить, что установленный смысл исключает бесконечность выбора, он придает определенность мыслям, действиям данной личности. В смысле-событии актуализируется свобода, суть которой выражается в высказывании Ионна-Павла II: «...могу, но не должен» [Иоанн Павел II 2003].

Таким образом, установление смысла есть событие и способ установления бытия. «В “Логике смысла” и “Различии и повторении” он начал (а в дальнейшем закрепил и развил) свою главную идею – человек живет в мире событий, которые он инициирует и которые инициируют его самого» [Конев 2017].

Заключение

Исследование эволюции подходов к определению субъекта позволило выявить оригинальность путей достижения свободы и указать на тенденцию, заключающуюся в недостижимости

свободы. Мы рассмотрели критику деятельностной позиции, согласно которой умение формулировать цели и определять пути для их реализации, достигая запланированных результатов, ведет к возникновению форм зависимости, при которых человек подчиняется объективным нормам и правилам, исключающим любые проявления индивидуального.

Формирование субъекта сопротивления, стремящегося противостоять дисциплинарному миру, отчетливо показывает, что формы преодоления существующего порядка сформированы во «властном дискурсе». Даже обладание автономной свободой становится условием для возникновения таких видов зависимости, при которых у человека нет возможности к «перемене бытия», к актуализации полноты личностного мира, поскольку им владеет апатия и равнодушие, не позволяющие даже артикулировать собственную несвободу.

Между тем недостижимость свободы может рассматриваться как ее неизменное свойство, обуславливающее перманентность стремлений человека к свободе (по-разному понимаемой и обозначаемой). Недостижимость свободы выступает основанием ее присутствия, поскольку только стремление к недостижимому – свободе, добру, справедливости – всегда требует личностных усилий, позволяя актуализироваться бытию, задавать новые правила, вести к иным распределениям возможностей.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бауман 2008 – *Бауман З.* Текущая современность – СПб.: Питер, 2008.

Бахтин 1986 – *Бахтин М.К.* Философия поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984-1985. – М.: Наука, 1986. С. 80–160.

Бурдьё 1993 – *Бурдьё П.* Социология политики – М.: Socio-Logos, 1993.

Гидденс 2004 – *Гидденс Э.* Ускользающий мир – М.: Весь мир, 2004.

Гидденс 2003 – *Гидденс Э.* Устроение общества: очерк теории структуры – М.: Академический проект, 2003.

Делез 1998а – *Делез Ж.* Логика смысла. – М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998.

Делез 1998б – *Делез Ж.* Различие и повторение – СПб.: Петрополис, 1998.

Делез, Гваттари 1998 – *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия. – М.: Институт экспериментальной психологии; СПб.: Алетейя, 1998.

Дьяков 2008 – *Дьяков А.В.* Мишель Фуко: о «смерти человека», о свободе и о «конце философии» // Вестник истории и философии КГУ. Серия «Философия». 2008. № 2 С. 45–53.

Иоанн Павел II 2003 – *Иоанн Павел II (Войтыла Кароль Юзеф)*. Личность и поступок. – М.: Изд-во Францисканцев, 2003. – URL: <http://www.agnuz.info/app/webroot/library/157/236/> (дата обращения 02.07.2019).

Конец 2016 – *Конец В.А.* Две концепции логики смысла: Жиль Делез и Андрей Смирнов (Часть первая) // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 37–47.

Конец 2017 – *Конец В.А.* Две концепции логики смысла: Жиль Делез и Андрей Смирнов (Часть вторая) // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 80–88.

Липовецки 2001 – *Липовецки Ж.* Эра пустоты: эссе о современном индивидуализме – СПб.: Владимир Даль, 2001.

Павлов 2018 – *Павлов А.В.* Образы современности в XXI веке: авто-модернизм // Философские науки. 2018. № 10. С. 97–113.

Тульчинский 2002 – *Тульчинский Г.Л.* Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. – СПб.: Алетейя, 2002.

Тульчинский 2011 – *Тульчинский Г.Л.* Истина как онтофания свободы: персонологические основания презентации истины // Практики признания истины. – СПб: СПб ГУ, 2011. С. 214–248.

Турен 1998 – *Турен А.* Возвращение человека действующего – М.: Научный мир, 1998.

Фуко 1996 – *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996.

Фуко 1999 – *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы – М.: Ad Marginem, 1999.

Фуко 2007 – *Фуко М.* Герменевтика субъекта. – СПб.: Наука, 2007.

Samuels 2007 – *Samuels R.* Auto-modernity after Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education // Digital Youth, Innovation, and the Unexpected / ed. by T. McPherson. – Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. P. 219–240.

REFERENCES

Bakhtin M.K. (1986) Philosophy of Action. In: *Philosophy and Sociology of Science and Technology. Yearbook. 1984–1985* (pp. 80–160). Moscow: Nauka, 1986.

Bauman Z. (2000) *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity (Russian translation: Saint Petersburg: Piter, 2008).

Bourdieu P. (1993) *Sociology of Politics*. Moscow: Socio-Logos (Russian translation).

Giddens A. (1999) *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives The Elusive World*. London: Profile (Russian translation: Moscow: Ves' mir, 2004).

Giddens (1984) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity (Russian translation: Moscow: Akademicheskiiy proyekt, 2003).

Deleuze G. (1968) *Différence et répétition*. Paris: PUF (Saint Petersburg: Petropolis, 1998).

Deleuze G. (1969) *Logique du sens*. Paris: Éditions de Minuit (Russian translation: Moscow: Raritet; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 1998).

Deleuze G. & Guattari F. (1991) *Qu'est-ce que la philosophie?* Paris: Éditions de Minuit (Russian translation: Moscow: Institute of Experimental Psychology; Saint Petersburg: Aletheia, 1998).

Dyakov A.V. (2008) Michel Foucault: On the “Death of Man”, about Freedom and the “End of Philosophy. *Bulletin of History and Philosophy of Kurgan State University. Series: Philosophy*. 2008. No. 2, pp. 45–53.

John Paul II (2003) *Person and Act*. Moscow: Franciscan Publishing House. Retrieved from <http://www.agnuz.info/app/webroot/library/157/236/> (Russian translation).

Konev V.A. (2016) Two Concepts of the Logic of Meaning: Gilles Deleuze and Andrey Smirnov (Part One). *Voprosy filosofii*. 2016. No. 11. P. 37–47.

Konev V.A. (2017) Two Concepts of the Logic of Meaning: Gilles Deleuze and Andrey Smirnov (Part Two). *Voprosy filosofii*. 2017. No. 8. P. 80–88.

Lipovetski J. (2001) *L'ère du vide : Essais sur l'individualisme contemporain*. Paris: Gallimard (Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2001).

Pavlov A.V. (2018) Images of Modernity in the 21st Century: Automodernism. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 10, pp. 97–113.

Tulchinskii G.L. (2002) *Posthuman personology. New perspectives of freedom and rationality*. Saint Petersburg: Aletheia.

Tulchinskii G.L. (2011) Truth as an Ontophany of Freedom: The Personalological Basis for the Presentation of Truth. In: Savchuk V.V. & Patkul' A.B. (Eds.) *Practices of Recognition of Truth* (pp. 214–248). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Touraine A. (1984) *Le Retour de l'acteur*. Paris: Librairie Arthème Fayard (Russian translation: Nauchnyy mir, 1998).

Foucault M. (1975) *Surveiller et punir*. Paris: Gallimard (Russian translation: Moscow: Ad Marginem).

Foucault M. (1996) *The Will for Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Selected Works*. Moscow: Castal (Russian translation).

Foucault M. (2001) *L'Herméneutique du sujet*. Paris: Gallimard (Russian translation: Saint Petersburg: Nauka, 2007).

Samuels R. (2007) Auto-modernity after Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education. In: McPherson T. (Ed.) *Digital Youth, Innovation, and the Unexpected* (pp. 219–240). Cambridge, MA: The MIT Press.